

СЕРГЕЙ МАКСИМОВ

СИБИРЬ И КАТОРГА

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М17

Максимов, С.

М17 Сибирь и каторга / С. Максимов. – М. : T8RUGRAM,
2018. – 492 с.

ISBN 978-5-521-78871-2

Сергей Васильевич Максимов (1831–1901) – знаменитый русский писатель, этнограф, диалектолог и знаток народного быта.

В 1860–1861 годах Максимов совершил удивительное путешествие на Дальний Восток через Сибирь. В книге «Сибирь и каторга» представлен уникальный материал, собранный автором в ходе поездки, об особенностях содержания сибирских заключённых, психологии преступников, этнографии и истории каторжного режима России.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТР.

СТР

Глава I. Въ дорогѣ. Милосердія.—Картина этапнаго странствованія отъ Москвы до яматорги: дорожныя и тюремныя злоключенія.—Барабанъ.—Сила и значеніе отечественной благотворительности.—Москва и купеческіе города.—Старовѣры.—Старыя неурядицы.—Окровавленные колодники.—Сборъ милостыни.—Приворотныя кружки.—Обиліе пожертвованій.—Начальническія вымогательства.—Этапные солдаты и командиры.—Похожденіе ползубковъ.—Арестантскія деньги.—Парадъ шестваі.—Этапныя любовницы.—Начальники смиренныя и сердитые.—Тобольская тюрьма.—Желѣзные прутья и кандалы.—Арестантская артель.—Этапные кабаки.—Этапныя зданія.—Полуэтапы.—Арестантская собственность.—Наручники.—Привалъ.—Майданчики и откупа.—Подводы.—Старосты.—Этапныя крѣпы: вещественныя и нравственныя.—Съ этаповъ не бѣгутъ.—Солдатскіе и офицерскіе доходы.—Бритье головъ и случай съ поляками.—Золотой порошокъ.—Водка.—Нары.—Этапная ночь.—Пасхальная картина.—Весна на этапѣхъ.—Арестантскія дѣти.—Казармы.—Солдаты.—Сторожа и торговцы.—Растахи.—Несовершенство этапной системы и дорога.—Приходъ арестантовъ на каторгу

Глава II. На каторгѣ. Моя повѣдка на строгого перворазрядную каторгу.—Нижній промѣселъ на Барѣ.—Первыя впечатлѣнія и встрѣчи.—Иванушка-дурачекъ на каторгѣ.—Нѣмечь-идіотъ.—Разбойникъ въ водовозахъ.—Поэтъ на каторгѣ.—Каторжное жилище.—Цыга.—Каторжине.—Каторжныя работы.—Смотрители.—Раскомандировки.—Казенныя порядки.—Тюремныя пѣсни.—Взаимныя отношенія тюремныхъ сидѣльцевъ.—Община въ тюрьмѣ.—Арестантскій староста.—Доносчики.—Товарищество.—Смотритель и арестантъ Сенька.—Майданъ.—Тюремныя карты и карточная игра.—Азартныя игры.—Юлка.—Юрдовка.—Едино.—Вѣгуды.—Тюремный языкъ (argot).—Откупные тюремные законы.—Правила майдана.—Великій скандалъ.—Кабаки въ тюрьмѣ.—Водка тюремная.—Хитрость.—Влазнос.—Тюремный капиталъ.—Парашиники.—Рогожка.—Тюремные артисты и художники.—Оборотни.—Тюремные герои въ историческія лица.—Тумановъ и живая пирамида.—Искусственно-развиваемыя арестантскія болѣзни.—Притворщики.—Тюремная аристократія и чернь.—Утка.—Каторжныя забавы

Глава III. Въ бѣгахъ. Нерчинскія горы и богатство ихъ.—Серебро.—Зерентуйскій рудникъ.—Внутренность рудника.—Рудниковая каторга.—Штольня.—Шахта.—Лихтлогъ.—Несчастья на каторгѣ этого вида.—Рудниковый хозяинъ.—Заводскіе служители.—Что такое каторга?—Каторга золотыхъ промысловъ.—Заводская каторга: солеваренная и винокуренная.—Улучшенія на каторгѣ.—Побѣги съ каторги во всемі разномобразія способовъ.—Побѣги изъ каторжныхъ тюремъ.—Бѣглый на балу.—Побѣги цѣпного.—Голый бѣглець.—Пособники.—Побѣги съ каторги.—Варнакъ и чалдонъ.—Лиса.—Побѣги на уру.—Самый крупный побѣгъ.—Хоронущія.—Притогловленія къ побѣгу.—Время побѣговъ.—Первыя шаги въ бѣгахъ.—Неудачи.—Помощь караульныхъ.—Часовые въ бѣгахъ.—Обиліе побѣговъ.—Варнацкая дорога.—Взѣрское ищеніе.—Сыщики.—Вурата.—Похожденія и злодѣйство бродягъ.—Медвѣди.—Пристанодержательство.—Завяжки.—Старовѣръ Гурій Васильевичъ.—Преслѣдованія.—Кандалы.—Лѣсная пища во всемі разномобразіи.—Саранча.—Горбачи.—Избѣженіе цѣлой шайки бродягъ.—Губернаторъ Рупертъ.—Сыщикъ Карымъ.—Убѣиенныя горы.—Коурый.—Возопасные бродяги.—Левинскій на Лонѣ и въ нерчинской каторгѣ.—Кяхтинскій мѣшанинъ.—Бродяги на Байкалѣ, на Антарѣ, подъ Казанью, въ Петербургѣ.—Бывальцы.—Вродяжыя судьба въ дорогѣ.—Сибирскіе притоны и обычаи.—Предѣлы бродяжничества.—Вооруженные черкесы въ бѣгахъ.—Черкесы въ степи.—Бродяги въ Астрахани

Глава IV. На прощитаніи. Испытующіеся.—Воздержные.—Невоздержные.—Казенныя порядки и степени облегченія.—Прикованные къ тачкамъ.—Прикованные на стѣнную цѣпь.—Колозолъ.—Сумасшествія.—Акатуй.—Таможные цѣпные.—Секретные.—Каторжныя селенія и жители.—Юрдовки.—Теребиловки.—Фабрика фальшивыхъ паспортовъ.—Горные служители.—Торговля краденными металлами.—Желтая пшеница.—Карымъ.—Фабрикантъ червонецъ.—Соколовъ.—Успенская фабрика.—Бумажная фальшивая деньги.—Каторжныя болѣзни.—Прощитаніе.—Исправившіеся каторжники.—Шатаніе и воровство.—Увольненіе отъ работы.—Каторжныя дѣти.—Пѣсня

Глава V. На поселеніи. Сибирское населеніе въ поселенцевъ.—Худая слава.—

55

91

31

Безвыходное положение. — Отношения къ старожиламъ. — Бродяжество и шатание. — Пѣсня. — Испорченность поселенцевъ и причины этого явления. — Прочная водвореніе сильныхъ не существуетъ. — Безплодность мѣръ. — Первые шаги ссыльнаго. — Вражда туземцевъ. — Богатѣльни. — Посельщики. — Неспособные. — Смотрители поселенцевъ. — Воровство. — Свободныя самовольныя поселенія. — Киржаки. — Каменщики. — Смыслыя колоніи невѣдомыя и вѣдомыя. — Задичалые поселенцы. — Золотые промыслы. — Поселенцы на прискахъ въ тайгѣ. — Олганджи и міряки. — Евреи въ Сибири. — Инородцы въ семьяхъ. — Русскіе раскольникы за Байкаломъ. — Цѣлѣбныя хозяйства. — Духоборцы. — Уральскіе казаки. — Невинно сосланные и возвращенные. — Поручикъ Козлинскій. — Монахи. — Странникъ Иванъ Захаровъ Спассовъ. — Переѣзныя именъ. — Неправильность распределенія смыльных по Сибири. — Палачи. — Превращеніе къ нимъ и результаты его. — Кнутъ. — Богачи изъ каторжныхъ. — Чужеземцы въ ссылкѣ.

107

Приваженія. I. Тюремныя пѣсни. Сорочъ восемь тюремныхъ сибирскихъ и русскихъ пѣсенъ (старинныхъ и новыхъ) съ вариантами и объясненіями. — Творцы пѣсенъ: Ванька Капанъ. — Разбойникъ Гусевъ. — Маюророссійскій разбойникъ Кармелюкъ. — Пѣсня о праведѣ. — Мѣстные сибирскіе пѣтцы. — Ученая пѣсня. — Пѣсня Кармелюка. — Пѣсни Видорга. — Воровбюкъ.

143

II. Тюремный словарь и искусствовѣдныя байковскія, ламанскія и кантоуженскія языки. Древность искусственныхъ языковъ. — Разговоръ знаками (ручной, звуковой, ударный). — Разговоръ стукомъ (нѣмешкій гакесентъ). — Полаки и Шпаунъ. — Телеграфисты. — Разговоръ стукомъ декабристовъ. — Улучшенія, произведенныя въ этой системѣ братьями Вестужевыми. — Обожженная палочка изъ вѣника. — Тюремный словарь. — Вѣдность его. — Искусственные слова въ тюрьмахъ. — Древность ихъ происхожденія у насъ. — Ясакъ. — Разбойничій языкъ на Волгѣ. — Слѣды и остатки его въ сказаніяхъ вора Ваньки Капана. — Отверническая рѣчь. — Сравненіе пяти дѣланыхъ языковъ. — Офескскій языкъ (словарь разносчиковъ - ходобшиковъ). — Образцы словъ и рѣчи. — Музыка или байковный языкъ карманниковъ. — Образцы словъ и рѣчи. — Образцы языка шерстооботовъ и коноваловъ. — Счетъ. — Языкъ кантоужный. — Языкъ по хератъ и тарабарская азбука. — Языкъ кубраковъ и проч.

162

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I. Злодѣи. Злобная сила судьбы и слѣпая народная вѣра въ нее. — Знаменитый Кореневъ — прототипъ злодѣевъ. — Его похождения и злодѣйства; разбойная сторона; нищая братія; Веражко; артезъ слѣпоцъ-нищихъ; варнаки; каторга; Кореневъ — севонный герой; палачи; пробески совѣсти въ злодѣѣ. — Забайкальская знаменитость: разбойникъ и пѣсненикъ Горкинъ и его превращеніе. — Нашъ знакомецъ Дубровинъ. — Понятіе варнаковъ о кести. — Сильные убійцы. — Злодѣи изъ еврейскаго племени: Горбунъ и Ханимъ Вульговъ. — Злодѣи Филипповъ. — Минусинскій злодѣи. — Разбойники сибирскіе. — Судьба убійцы въ Сибири.

175

Глава II. Убійцы. Причины смертоубійствъ и проявленіе этого преступленія у насъ. — Мѣста, наиболѣе богатые убійствами. — Монгольскія племена. — Прочіе инородцы. — Уральскіе заводскіе люди. — Дѣтоубійства. — Убійства женъ и мужей. — Братоубійства. — Убійства родственниковъ. — Убійства помѣщиковъ крестьянами и дворянами. — Крестьянскіе бунты.

199

Глава III. Самоубійцы. Причины и проявленіе самоубійствъ въ Россіи и Сибири. — Самоубійства въ городахъ и деревняхъ. — Орудія и способы этого преступленія. — Утопленіе. — Петли. — Яды. — Огнестрѣльная орудія. — Неволя. — Рокковыя мѣста. — Сухая бѣда. — Ямки. — Самоожигатели. — Морельщики. — Огромное количество жертвъ. — Причины этого явления. — Особый видъ сибирскаго раскола.

205

Глава IV. Бродяги и бѣглецы. Страна изгнанія. — Бродяжество въ современномъ видѣ. — Бѣгство крестьянъ отъ помѣщичьей власти. — Гуляющие люди. — Побѣга солдаты отъ военной службы (девертиры). — Покинувшіе отечество (эмигранты). — Пристанодержательство. — Притонщики. — Хлѣбосодство. — Сибирскія замки. — Варнаки и чалдоны. — Опасности отъ бродягъ и бѣглецовъ. — Причины народныхъ бѣдствій. — Псевдонимы каторжныхъ (принятіе чужой фамиліи). — Городскіе бродяги. — Бродяжество, какъ сѣмьбытное явленіе русской народной жизни. — Историческій очеркъ русскаго бродячества. — Колонизація Россіи. — Многочисленные остатки древняго народнаго скитанія: безпаспортные, богомольцы, нѣмцы, запросчанки, кубраки и лабори, бѣгуны, офены, ходобшики и проч.

210

Глава V. Воры и мошенники. Народныя понятія о собственности. — Вѣдомый большой воръ. — Воровскія мѣста въ Россіи. — Причины воровства. — Столичные жулики и мазурики. — Карманники. — Музыка (воровской языкъ). — Мѣшки (барышники-пріемщики). — Честный человекъ на воровствѣ. — Мошенники выспихъ словесъ общества: карточные шулера. — Сословія и мѣста, наиболѣе видныя по воровскому промыслу. — Воровство — повальная тюремная и поселенческая болѣзнь.

231

Глава VI. Грабители и разбойники. Причины и корни грабежей. — Происхожденіе и связь грабежа съ воровствомъ. — Варанта. — Сибирскіе и русскіе грабители и разбойники. — Связь разбоя съ грабежомъ. — Характеръ русскаго разбойника. — Разбойники вообще и въ частности. — Выкопы. — Чайкинъ. — Дуванъ. — Кабаки. — Цѣловальники. — Разбойничьи атаманы и ихъ любовники. — Притоны и проч.

241

Глава VII. Поджигатели. Причины поджоговъ. — Проявленіе ихъ. — Пожары городовъ и деревень. — Гдѣ нѣтъ поджоговъ. — Поджоги дѣтское и женское преступленіе. — Поджоги въ Россіи. — Красный пѣтухъ. — Мнѣніе

251

Глава VIII. Преступники противъ вѣры. Святотатцы. — Преступности духовенства. — Гробокопатели. — Коплуны. — Богохуленіе. — Отступленіе и отвращеніе отъ вѣры. — Ересь и расколъ. — Скопцы. — Церковные воры въ Сибири и Россіи. — Боградскій гробокопатель. — Распавшійся на крестъ фа-

натикъ. — Скупцы въ Сибирѣ. — Хлысты. — Хлыстовщина въ монастырѣ. — Суботники. — Духоборцы. — Щельники. — Охохоновъ. — Молокане. — Старовѣры. — Масляниковъ. — Отшельникъ. — Алтайскіе старовѣры. — Семейскіе старовѣры за Байкаломъ. — Виты за попомъ. — Часовенная Сибирь. — Духовенство въ Сибирѣ. — Заводское духовенство. — Филипповъ. — Расколъ въ Сибирѣ. — Причины и его развитие

Глава IX. Преступления противъ казны. Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ фальшивыхъ денегъ. — Мѣста и способы приготовления. — Деньги въ шубахъ. — Венгерцы. — Лабзинъ. — Знаменитый Пекижъ. — Его замѣчательное мастерство. — Политическіе цѣли въ фабрикаціи ассигнацій за Байкаломъ. — Фабрикація фальшивыхъ документовъ; мѣста и лица. — Корчменники; корчемство винномъ и солью. — Контрабандисты. — Кража золота и серебра. — Бахтинская, сибирская и русская контрабанда

Глава X. Старовѣры Папулинъ. Таинственные дома. — Папулинъ по личнымъ воспоминаніямъ автора. — Совратитель. — Борьба съ нимъ. — Успѣхи пропаганды. — Понятный товаръ. — Успѣхи безпоповщины. — Женскій вопросъ. — Вѣгствующая церковь. — Параллель между двумя расколами. — Необычайный успѣхъ едословенщины. — Гонимыя и упорство. — Посадъ Судиславъ. — Свято-преставленіе. — Папулинская община. — Сохраненіе. — Торжественныя моленія. — Старая книга и старая икона. — Похищеніе послѣднихъ изъ православныхъ храмовъ и самое знаменитое изъ нихъ. — Иконографическія рѣдкости и драгоцѣнности. — Торговля иконами. — Семенъ Кузьминъ. — Соловецкая тюрьма. — Гдѣ правда?

Глава XI. Утица изъ пустоозовъ. Публичная казнь. — Голоса изъ толпы. — Молодость и воспитаніе преступника. — Быстрый успѣхъ въ большомъ свѣтѣ. — Разнообразныя похождения. — Таинственная келья. — Монашескія послушанія. — Злодѣйскіе приемы. — Убіиство и способы самооправданія. — Ссылка и новыя приключенія въ странѣ изгнанія. — Тобольскій острогъ и нерчинское пропитаніе. — Встрѣча и бесѣда съ преступникомъ. — Кореневъ и сопоставленіе съ нимъ Зыкова. — Мнѣніе о послѣднемъ соузниковѣ

Глава XII. Преступники противъ семейныхъ правъ. Развратъ. — Кровосмѣшеніе. — Своиха. — Сводные браки. — Прелюбодѣяніе. — Растлѣніе и насиліе. — Мужеложство и скотоложство. — Развратное и порочное поведеніе дворовыхъ и крестьянъ. — Любидничество и влѣпчивость чиновниковъ. — Дожные доносы. — Неуживчивость чиновнаго люда въ Сибирѣ.

Глава XIII. Общие выводы. Валовое число ссыльныхъ. — Распределеніе ихъ по родамъ ссылки, по сословіямъ, по поламъ, по возрастамъ. — Наибольше преступныя сословія. — Слабая преступность владѣльческихъ крестьянъ. — Распределеніе ссыльныхъ по наиболѣе обобщеннымъ категориямъ преступленій. — Роды преступленій, сильнѣе господствующіе въ сословіяхъ. — Преступности инородцевъ, населяющихъ Россію: татары, киргизы, калмыки, балкиры и инородцы финскаго племени. — Преступленія евреевъ

стр.

и евреевъ. — Безгріховность мусульманокъ. — Преступленія кѣшцевъ и вообще лютеранъ. — Католики. — Православные

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава I. Политическіе ссыльные. Ссылка поляковъ въ Сибирь. — Первые ссыльные поляки: Черниговскій на Амурѣ. — Брыжановскій. — Довелась воевода Обуховъ. — Польскіе конфедераты. — Злодѣйства надъ ними. — Состояніе администраціи въ Сибирѣ. — Пестель. — Трескинъ. — Исправникъ Дескутовъ. — Сперанскій. — Нѣцовъ и разбойникъ Гондохинъ. — Собачья оспа. — Кохъ. — Ушнравскій полкъ. — Народные притѣснители. — Чудакъ Нарышкинъ. — Горные начальники: Рычковъ, Варботъ-де-Маринъ, Милескинъ. — Фришъ, Чернышынъ. — Шведскіе пѣльмне. — Татищевъ. — Веневскій — извѣстный искатель приключеній. — Его бѣгство изъ Камчатки; разнообразныя похожденія вокругъ свѣта и смерть на островѣ Мадагаскаръ. — Судьба его товарищей.

Глава II. Ссыльные поляки. Обрушеніе ссыльныхъ поляковъ. — Три эпохи ссылки. — Судьба послѣдующихъ ссыльныхъ. — Польскія возстанія и заговоры въ Сибирѣ, Россіи и Польшѣ. — Участіе русскихъ людей въ польскомъ дѣлѣ. — Вліяніе поляковъ на страну изгнанія. — Четыре разряда ссыльныхъ поляковъ. — Встрѣча прибывшихъ и обращеніе съ оставшимися. — Вліяніе декабристовъ. — Польскій огулъ. — Венжикъ. — Набоженства. — Касса поляковъ. — Товарищество. — Кедровое масло. — Печлы. — Савицескій. — Братья Далевскіе. — Обученіе дѣтей. — Несчастная судьба полковника Высоцкаго, ксендза Синопинскаго и доктора Шкоальскаго. — Громадный заговоръ. — Самоубійства. — Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и способы этого производства. — Побѣгъ въ гробу. — Альбина Минурская. — Побѣгъ и похожденія Руфина Піотровскаго отъ Тары и Тобольска до Парижа.

Глава III. Фремина Александра II. Ссылка поляковъ съ 1863 года. — Степень участія различныхъ сословій въ повстаніи. — Участіе иностранцевъ. — Сосланные на житые и для водворенія. — Причины замкнутости ссыльныхъ и небезопасность ихъ водворенія. — Отношенія къ нимъ туземцевъ. — Нравственное состояніе ссыльныхъ поляковъ. — Мастерскія въ Тобольскѣ. — Импривизированные земледѣльцы. — Благопріятныя данія. — Обрушеніе шведовъ. — Запорожцы. — Шляхта

Глава IV. Государственные преступники. Древніе способы исканія правды. — Исторія ссылки государственныхъ преступниковъ. — В. Н. Романовъ и его страданія. — Матвѣевъ. — Располъ Лазаръ. — Стрига Федось (Феодосій Яновскій). — Ссылный колоколь. — Тюрьмы для великокажнихъ преступниковъ. — Остроги. — Монашескія калюты. — Ссылка во время междоусерствъ, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ. — Ссылка малороссовъ. — Гетманы. — Гвинтовка. — Многогрішныи. — Самойловичъ. — Сѣрко. — Войнаровский. — Желѣзнякъ. — Дятлевъ. — Самозванцы 17 и 18 столѣтій. — Громадная ссылка стрѣльцовъ. — Враги Петра I. — Сообщники Тахцкаго, царевича Алексѣя. — Ссылка при нѣслѣдникахъ Петра. — Враги Еофана Прокоповича въ ссылахъ. — Варо-

стр.

321

254

276

288

302

313

329

341

362

новщина. — Слово и дѣло. — Радищевъ. — Уральскій казакъ пугачевецъ Марушка. — Слово и дѣло въ Сибирѣ и на каторгѣ. — Старейшій Никоновъ. — Каурный. — Тверской крестьянинъ Ермолаевъ. — Ссылный Артамоновъ. — Грузинскіе дворяне. — Семеновичи. — Экспедиціи Степановъ. — Копебу. — Извѣстники отечеству. 371

Глава V. Участь осмыленныхъ. Безпріятіе осмыленныхъ. — Кормовая дача. — Меншиковъ съ семействомъ. — Долгорукіе. — Наталья Борисовна Долгорукая. — Остерманъ. — Минихъ. — Головкинъ. — Ужасная участь осмыленныхъ: де-Сантъ, Менгдона, Фяка, Ивашкина. — Стряпчій Коштовъ. — Левшутинъ. — Соймоновъ. — Самозванецъ Петръ III за Байкаломъ (солдатъ Чернышевъ). — Секретные арестанты. — Анадырскій нагнанникъ Аванзгій Потровичъ. — Дѣти Волынскаго. — Важность преступниковъ. — Сердечность отношеній сибиряковъ къ этимъ осмыленнымъ. 385

Глава VI. Декабристы. Ссылка декабристовъ. — Путь ихъ по Россіи и Сибирѣ. — Фельдшеръ. — Встрѣчные. — Губернаторы. — Канисскій городничій. — Судьба первыхъ носыма. — Жизнь до Читы. — Волковскій. — Трубецкой. — Оболенскій. — Братья Воронцовы. — Якубовичъ. — Волконская. — Трубецкая. — Ген.-губ. Вроневскій. — Благодатскій рудникъ. — Свиданія. — Столкновенія. — Пропорщикъ Рикъ. — Приставъ Лепарскій. — Прибытіе остальныхъ декабристовъ. — Встрѣча. — Пребываніе въ Читѣ. — Помѣщеніе. — Казематы. — Поэтъ Одоевскій. — Новая тюрьма. — Работы. — Чита. — Волѣзны неволи. — Исторія Сухомова. — Бунтъ въ Ключинскомъ рудникѣ. — Судъ и казни. — Новыя правила. — Строгости. — Дубининская исторія. — Инструкція караульнымъ. — Смольнинновъ и его жена. — Штабъ Лепарскаго. — Клубъ. — Переписка съ родными. — Ослабленіе строгостей. — Общій столъ. — Домашнія занятія и самовоспитаніе. — Корниловичъ. — Мухановъ. — Никита Муравьевъ. — Пушкинъ. — Д. И. Завалишинъ. — Докторъ Вольфъ. — Арт. Зах. Муравьевъ. — Кюхельбегеръ. — Луинъ. — Юневскій. — Музыка. — Борюди. — Не-декабристы. — Религіозность. — Женщины героини. — Трубецкая. — Губернаторъ Цейдлеръ. — Волконская. — Правила для женъ. — Муравьева-Апостолова. — Нарышкина. — Фонвизина. — Дамидова. — Анненкова. — Янтальцова. — Ронель. — Дѣти 394

Глава VII. Декабристы (овочанцы). Переходъ изъ Читы въ Петровскій заводъ. — Н. А. Вестужевъ. — Фонвизинъ. — Шахматовъ. — Дамская улица. — Жизнь въ Петровскомъ заводѣ. — Новый казематъ. — Община и артели. — Занятія. — Обязанности хо-

зянна, закупщика, казначея и огородака. — Выборы. — Бесчасновъ. — Взысканіе. — Положеніе холостыхъ и семейныхъ. — Вліяніе декабристовъ на страну нагнана. — Жизнь ихъ на поселеніи. — Декабристы на Кавказѣ. — Маринскій въ Якутскѣ. — Стрѣльшіе. — Занятія на поселеніи. — Изобрѣтеніе декабристовъ. — Последующая судьба ихъ, какъ умершихъ въ ссылкѣ, такъ и освобожденныхъ. — Основанныя ими школы. — Горбачевскій. — Братья Вестужевы. — Торосовъ. — Всепощеніе 417

Глава VIII. Исторія каторги. Находка рудныхъ богатствъ. — Чудскія работы. — Серебро. — Работы рудниковъ. — Исторія нерчинскихъ рудниковъ. — Побѣги рабочихъ. — Начальники: грекъ Левандіанъ, Суворовъ. — Самозванецъ Чернышовъ, дѣло о немъ и последующая судьба его. — Нарышкинъ. — Его беззачетныя чудачества и выходки. — Лекарь Томинъ. — Купецъ Колосовъ. — Воинственный походъ Нарышкина. — Взятіе имъ Верхнеудинска. — Арестъ его. — Воевода Тевяшовъ. — Нѣцовъ. — Аршеневскій, Варботъ-де-Марнъ, Черныцынъ. — Народныя преданія о посѣднемъ. — Теодоръ Фришъ и его жена. — Тираны. — Рычковъ. — Агостовъ. — Татаринновъ. — Золотая лихорадка. — Добыча золота. — Богатства Нерчинскаго края. — Байрское золото. — Развѣдываніе 446

I. Нерчинскіе свѣрженныя рудники и золотыя промыслы. 446

II. Самозванецъ Чернышовъ. 451

III. Василий Васильевичъ Нарышкинъ. 465

IV. Сибирскіе заводы. Желѣзо. — Петровскій заводъ. — Соль. — Селенгинскій заводъ. — Усть-Кутскій заводъ. — Добыча соли. — Каторжныя работы. — Троицкій солеваренный заводъ. — Иркутское Усолъе. — Способы выварки соли. — Молотобойная фабрика. — Винокуренье. — Евреи. — Осмыленные. — Винокуренье заводовъ: Александровскій, Николаевскій, Ильгинскій, Боготольскій, Ентарскій, Успенскій, Каменскій. — Уничтоженіе этого вида каторги 480

V. Сибирскіе фабрики. Купецъ Кутинъ. — Полотняная фабрика. — Контракти. — Купецъ Солдатовъ. — Фаянсовая фабрика. — Суконная фабрика Векшина. — Тальцинская фарфоровая и фаянсовая фабрика. — Тельминская суконная фабрика. — Стекланный заводъ. — Омская суконная фабрика. — Пользованіе трудомъ осмыленныхъ 487

VI. Сибирскіе крѣпости. Охотскъ. — Чиниррахъ. — Омская крѣпость. — Крѣпости: Семипалатинская и линейныя по Иртышу, Бухтарминская, Троицко-Савская. — Цуругутайтъ. — Арестантскія роты и работы. — Беспорядочность ихъ. — Упалоу каторжныхъ работъ и затрудненіе, отсюда происшедшее 489

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НЕСЧАСТНЫЕ.

Въ дорогѣ, на каторгѣ, въ бѣгахъ, на пропитаніи и на поселеніи. Тюремныя пѣсни. Тюремный языкъ.

ГЛАВА I. ВЪ ДОРОГѢ.

Милосердная.—Картина этапнаго странствованія отъ Москвы до каторги: дорожныя и тюремныя зловключенія.—Барабанъ.—Сила и значеніе отечественной благотворительности.—Москва и купеческіе города.—Старовѣры.—Старыя неурядицы.—Окровавленные колодники.—Сборъ милостыни.—Приворотныя кружки.—Обиліе пожертвованій.—Начальническія вымогательства.—Этапные солдаты и командиры.—Похожденіе полублюковъ.—Арестантскія деньги.—Парадъ шествія.—Этапныя любовницы.—Начальники смиренны и сердиты.—Тобольская тюрьма.—Желѣзные прутья и кандалы.—Арестантская артель.—Этапные кабаки.—Этапныя аданія.—Полуэтапы.—Арестантская собственность.—Наручники.—Приваль.—Майданчики и откупа.—Подводы.—Старосты.—Этапныя крѣпы: рещественныя и нравственныя.—Съ этаповъ не бѣгутъ.—Солдатскіе и офицерскіе доходы.—Брѣть головы и случай съ поляками.—Золотѣй дорошокъ.—Водка.—Нары.—Этапная ночь.—Пасхальная картина.—Весна на этапахъ.—Арестантскія дѣти.—Казармы.—Солдаты.—Сторожа и торговцы.—Растахи.—Несовершенство этапной системы и дороги.—Приходъ арестантовъ на каторгу.

Милосердные наши батюшки,
Не забудьте насъ невольниковъ,
Заключенныхъ,—Христа-ради!—
Пропятайте-ка, наши батюшки,
Пропятайте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ!
Сожалѣйтесь, наши батюшки,
Сожалѣйтесь, наши матушки,
Заключенныхъ, Христа-ради!
Мы сидимъ во невольницѣ—
Во невольницѣ: въ тюрьмахъ каменныхъ,
За рѣшетками за желѣзными,
За дверями за дубовыми,
За замками за висячими.
Распростылись мы съ отцомъ, съ матерью,
Со всѣмъ родомъ своимъ—племennemъ.

Пѣсня «Милосердная».

Вотъ въ какую простую форму сложились и какою нехитрою пѣсней оказалась просьба проходящихъ по сибирскимъ этапамъ арестантовъ,—просьба, обращаема обыкновенно къ сердоболью обитателей сплутнаго селенія. Немного въ этой пѣснѣ словъ, не особенно богата она содержаніемъ, но слова ея не мимо идутъ, а поддержаніе и складъ ея, а особенно напѣвъ, трогаютъ не одни только мягкія, настроенныя на благотвореніе сердца.

Я слышалъ эту пѣсню одинъ разъ въ жизни, но никогда не забуду того впечатлѣнія, какое оставила эта пѣсня въ моей, на тотъ разъ сильно утомленной памяти, въ моемъ усталомъ воображеніи, притупленномъ разнообразіемъ картинъ и пораженномъ неприглядностью и несовершенствомъ картинъ этихъ.

Не помню дня, числа и часа; помню свѣтлый апрѣльскій день, весенняя теплота котораго обязала меня отворить окно и смотрѣть на дешевыя, не богатые содержаніемъ подробности дѣловой и однообразной жизни сибирской деревни. Созерцаніе такихъ картинъ далеко не ведетъ: отъ нихъ скоро отрываешься и скоро забываешь о нихъ, ради воспоминаній прошлаго, всегда готовыхъ къ услугамъ, всегда живыхъ и свѣжихъ, и чаще всего о роднѣ, которая тогда была для меня и далеко и удаленно.

Такъ было со мною и на этотъ разъ въ одной изъ самыхъ дальнихъ деревень Забайкальскаго края, у окна одного изъ ея утихлыхъ и старыхъ домовъ, одного въ которомъ засадила меня весенняя распутица и бездорожница.

Я сидѣлъ и слушалъ; и слышалъ на тотъ разъ отдаленные звуки какого-то неопредѣленно-тоскливаго напѣва и строя. Звуки эти унесли воображеніе мое на Волгу, гдѣ, ломая путь и разламывая натруженную и наболѣвшую грудь жесткою лямкою, бурлакъ тянетъ свою унылую пѣсню, подлаживая къ ней свой шагъ, приурочивая свои развитыя ноги. Сходство напѣва сибирской пѣсни съ волжскою бурлацкою на первыхъ порахъ казалось мнѣ поразительнымъ. Но пѣсенные звуки становятся яснѣе и опредѣленнѣе и досужее воображеніе мое сплываетъ рисовать уже иныя картины. Вотъ, думалось мнѣ, безжалостныя подруги расплели у невѣсты дѣвичью косу, чтобы накрыть ее голову повоемъ;

и вотъ она, невѣста эта, вспомнишь скорую утрату всей своей дѣвичьей воли,

Что во нѣгѣ у матушки,
Въ прохладѣ у братьевъ,—

лиливать все свое горе въ пѣсенный плачь, у котораго гитона только вышняя форма, но наружное проявленіе въ напѣвѣ всегда такое самобытное и сильное. Невѣста какъ будто собрала въ груди все накопившееся горе и всѣ слезы и какъ будто въ послѣдній разъ въ жизни рѣшилась вылить ихъ всѣ вдругъ и вслухъ всѣмъ. Напѣвъ въ нашей пѣснѣ въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываетъ не медве тоскливымъ и не медве щемитъ онъ сердце. На этотъ разъ онъ показался мнѣ схожимъ съ тѣмъ, который доносился до моего слуха съ улицы сибирской деревни. Но вотъ пѣсня послышалась еще ближе. Воображеніе поспѣшило подладить къ ея напѣву другія, новыя, но знакомыя и похожія картины— и въ воспоминаніяхъ всталъ, какъ живой, сельскій погостъ: бѣдные и покривившіеся кресты, погнившая и обвалившаяся ограда, много могилъ на погостѣ. На одной могилѣ распахнулся, упавши на грудь, живой человѣкъ. Изъ груди его несется стонъ, слышатся тѣ тоскливые тоны, какими богаты всѣ могильные плачи. Однообразны плачи эти въ содержаніи, одинаковы и въ напѣвѣ. Тоскливые напѣвы этихъ плачей я не зналъ прежде и не чаялъ встрѣтить потомъ другихъ, которые были бы равномерно закончены, одинаково вѣрны своей цѣли и своему смыслу. Но когда изъ-за угла сибирской деревни показалась толпа арестантовъ съ верховыми казаками впереди, съ солдатами по бокамъ, и когда послышалась и пѣсня, вся цѣликомъ, я забывалъ о всякихъ сравненіяхъ. Я бросилъ ихъ какъ невѣрные, далека отъ образовъ, навѣянныхъ настоящею пѣснею. Тоны арестантской пѣсни сливались въ одинъ; переливы такъ были мелки, что ихъ почти нельзя было отличать и выдѣлать изъ цѣлаго. А въ этомъ цѣломъ слышался одинъ стонъ и самая пѣсня эта показалась тогда сплошнымъ стономъ: по стоналъ на этотъ разъ не одинъ человѣкъ—стонала цѣлая толпа. Слово не было слышно (при всѣхъ молахъ напряженныхъ усилийъ я не могъ поймать ни одного), слова и тоны слились въ одинъ гулъ; и гулъ этотъ и стонъ этотъ щемилъ сердце до того, что становилось положительно жутко и неловко. Такъ и вѣяло отъ пѣсни сыростью рудниковыхъ подземельевъ, мракомъ тюремныхъ стѣнъ, свищущею тяжестью всяческой каторги, гдѣ человѣку хуже и безвозвратнѣе, чѣмъ въ другихъ какихъ либо отчужденныхъ мѣстахъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, на всемъ земномъ шарѣ.

Цѣлые дни потомъ преслѣдовали меня мучительные звуки арестантской пѣсни и, возвратившись теперь къ ней воспоминаніямъ, я не могу указать иной, которая отличалась бы болѣе тоскливымъ напѣвомъ. Сяюю увѣрить, что ни

одна русская пѣсня не приурочена такъ къ выраженію внутреннего смысла въ напѣвѣ, ни одна изъ нихъ не бьетъ прямо въ цѣль и въ самое сердце, какъ эта пѣсня, выстраданная арестантами въ тюрьмахъ и на этапкахъ. На этотъ разъ кандалная партія осиливала послѣднюю сотню верстъ изъ долгаго и тяжелаго, семитысячнаго и годового пути своего. Ей оставалось идти уже немного верстъ, чтобы попасть домой, т. е. прямо на каторгу.

Пока колодники у насъ передъ глазами, мы отъ нихъ не отстанемъ. Не отстанемъ мы отъ толпы этой, хотя она и движется вдоль улицы мучительно-медленнымъ шагомъ, едва волочить ноги. Самый звукъ кандаловъ сталъ какой-то тупой, и слышимый и громкій потому только, что идущая партія сильно-каторжная, въ которой— какъ давно и всякому извѣстно— на каждой нога надѣвается тяжелая пятифунтовая цѣпи. На этотъ разъ медленная поступь— предназначенная, ради сбора подавій, и вышла она торжественною потому, что всякій арестантъ увлеченъ пѣвѣмъ и вводитъ въ артельную пѣсню свой разбитый голосъ, чтобы, такимъ образомъ, мольба была общою и конечнѣе была въ сердце-больныя сердца слушателей.

Стоитъ на улицѣ сплошной стонъ отъ пѣсни и бережно несетъ свою пѣсенную мольбу эта густая арестантская толпа, точно боится выронить изъ нее слово, сфальшивитъ тономъ, и поетъ усиленно громко, словно обрадовалась случаю торжественно и окончательно высказать вслухъ всѣмъ свое неключимое горе.

Задумались, цѣликомъ погруженные въ слухъ и вниманіе, и конные и пѣшіе: казаки и солдаты. Задумались даже эти привычные люди до того, что какъ будто не видятъ и не хотятъ видѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ отдѣляются изъ толпы арестанты, чтобы принять подаваніе. Пѣсня возмѣла успѣхъ, достигла цѣли: подаванія до того щедры и часты, что принимающіе ихъ даже и шапку поднимать не успѣваютъ— и не поднимаютъ.

А между тѣмъ, несутъ къ нимъ посылное подаваніе всякій. Несетъ и знакомая мнѣ старуха, у которой единственный сытъ погибъ на Амурѣ, которая отъ многихъ лѣтъ и многихъ несчастій ушла вся въ сердце и живетъ уже однимъ только сердобольемъ и говоритъ однимъ только вздохами. У нее нѣтъ (я это вѣрно знаю), нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, нѣтъ и силъ, но откуда взялись послѣднія, когда она заслышала на улицѣ эту „милосердную“, откуда взялись и деньги, когда бабушка моя очутилась на глазахъ проходящихъ. Дастъ бабушка деньги изъ скопленныхъ ею на саванъ и ладонъ, дастъ она эти деньги, стыдится— и причется, чтобы не видали всѣ.

За бабушкою Анисею (хотя и не костлявою, а жирною рукою) даетъ свою обрядовую дачу

и условную милостыню торговый крестьянин, купец, вчера только успевший оплести доверчиваго казака на овёс и хлѣбъ и давно уже отдавший всѣ свои помыслы черствому и мертвящему дѣлу „наживанія“ капитала. Несетъ онъ свое подаяніе — и оглядывается, даетъ — и не хоронится.

Слѣдомъ за нимъ тащить свой грошъ или пятакъ бѣдный шилкинскій казакъ, у котораго на то время своего горя было много: и казенные наряды безъ отдыха и срока, и домашнія невзгоды, которыя скопились на казачьи головы пресловутый, тяжелый Амуръ. Даетъ арестантамъ милостыню и малютка, посланная матерью, и сама мать изъ скопленныхъ Богу на свѣчку, изъ спрятанныхъ на черный день и недобрый часъ.

Всѣмъ имъ въ отвѣтъ пропуютъ уже арестанты за деревню такую коротенькую, но сердечную благодарность:

Должны вѣчно Бога молить,
Что не забывается вы насъ,
Вѣднхъ, несчастныхъ невольниковъ!

Этотъ конечный припѣвокъ и начальная пѣсня въ общемъ видѣ слывятся подъ названіемъ „Милосердной“. Слышится эта пѣсня въ одной только Сибирѣ, но и тамъ она извѣстна была еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ зачаточномъ состояніи — именно въ видѣ коротенькаго речитатива, на образецъ распѣва нищихъ и сборщиковъ подаяній на церкви: „Умилитесь, наши батюшки, до насъ бѣдныхъ невольниковъ, заключенныхъ, Христа-ради“. Словами этими просили милостыни въ голосъ, т. е. кричали на распѣвъ, пока искусство досужихъ не слило, словъ въ пѣсню и не обавало извѣстнымъ своеобразнымъ напѣвомъ. Въ Россіи этой пѣснѣ не покоя (да здѣсь она и не извѣстна) не потому, чтобы въ Россіи у арестантовъ отнято было право, обусловленное закономъ и освященное обычаемъ, право просить къ недостаточному казенному содержанію послышнаго прибавка отъ добротныхъ дателей, — но по Россіи „Милосердную“ заминалъ бой въ барабанъ. Этотъ бой вѣлъ къ той же цѣли и обезпеченъ былъ тѣмъ же результатомъ, хотя, по сознанію арестантовъ, и съ меньшимъ успѣхомъ.

— Дай-ка намъ (говорилъ мнѣ одинъ изъ бѣгло-каторжныхъ), дай-ка намъ эту „Милосердную“ вдоль Россіи протанутъ, дай-ка! мы бы сюда съ большими капиталами приходили. Барабанъ не то...

— Хуже? — спрашивалъ я.

— Барабанъ дѣло казенное, въ барабанъ содѣять бьетъ. Не всякому это понятно, а у всякаго отъ бою этого тоска на сердцѣ. Всякому страшно. Телячья шкура того не скажетъ, что языкъ человѣчій можетъ.

Вотъ что извѣстно о путешествіи арестантовъ съ мѣста родины до мѣста заточенія или изгнанія.

Арестанты, сбитые въ Москвѣ въ одну партію и доверенные конвойному офицеру съ командою, выходятъ ежедневно, въ урочной день, изъ пересылнаго тюремнаго замка.

Очутившись за тюремными воротами на улицѣ, арестантская партія на долгое время затѣмъ остается на виду народа, въ уличной толпѣ. Толпа эта знаетъ про ихъ горькую участь, знаетъ, что арестанты идуть въ дальнюю и трудную дорогу, которая протянется на нѣсколько тысячъ верстъ, продолжится не одинъ годъ. Немного радостей сулитъ эта дальняя дорога, много горя общается она арестантамъ тѣмъ болѣе, что пойдутъ они пѣшкомъ, въ кандалахъ, пойдутъ круглый годъ: и на лѣтней жарѣ, и на весеннихъ дождяхъ, и по грязи осенью, и на палящихъ зимнихъ морозахъ. Путь великъ, велико и злосудіе! тѣмъ пуще и горче оно, что арестантская дорога идетъ прямо на каторгу, значеніе которой въ понятіяхъ народной толпы равносильно значенію ада.

„Тамъ“, думаетъ народъ: — тамъ, гдѣ-то далеко, за Сибирью, взрты крутыя, поднебесныя горы. Въ горахъ этихъ вырыты ямы, глубиною въ самые глубокіе рѣчные и озерные омуты. Посадятъ въ эти ямы весь этотъ повинный народъ, посадятъ на всю жизнь, одинъ разъ, и никогда ужъ потомъ не вынуть и не выпустятъ. И будутъ сидѣть они тамъ, Божьихъ дней не распознавая, Господнихъ праздниковъ не вѣдая; будутъ сидѣть въ темнотѣ и духотѣ подлѣ печей, жарко натопленныхъ, среди грудъ каменныхъ, на такихъ работахъ, у которыхъ нѣтъ ни конца, ни срока, ни платы, ни отдыха. Изноетъ весь этотъ народъ въ скорбяхъ и печалихъ, затѣмъ, что ужъ имъ всякій выходъ заказанъ, и родина отрубана, и милые сердцу отняты, да и яма на каторгѣ глубока — глубока да и запечатана. Съ дѣти не сорвешься, казна вездѣ найдетъ. Изъ песку веревочки не сошьешь, а на чужой дальней сторонѣ помрешь и кости по родинѣ заплачутъ. И помогъ бы такому неключимому горю, да силы мало. Вотъ вамъ, несчастные горе-горькіе заключенники, моя слеза сиротская, да воздыханье тяжелое, да грошъ трудовой, кровный: авось и онъ вамъ пригодится. Пригодится хлѣба прикупить, Богу свѣчку за свои мірскіе грѣхи поставить; онъ вамъ и путь упрavitъ, и въ каторжной темной и глубокой ямѣ свѣту подастъ, силы пошлетъ и духъ вознесетъ. Прошайте, миленькіе! Вотъ вамъ и моя копейка не шерба! тѣмъ богаты, тѣмъ и радъ!“

Собираетъ арестантская партія, идучи по Москвѣ, мірскія подаянія въ примѣтномъ обиліи и отъ тѣхъ меньшихъ братій, у которыхъ сердечные порывы непосредственны и потому искренни и у которыхъ заработная копейка только насущная, безъ злѣшника, самому крѣпко нужная. Порывы къ благотворенію въ этой

толпы еще не приняли обыденной рутинной формы и еще не успѣли снизойти до обычая, который всегда предполагает срокъ и мѣру. Порывъ толпы этой не ищетъ случайныхъ возбужденій, онъ ждетъ только напоминанія. Достаточно одного появленія арестантовъ на улицѣ, одного звука кандаловъ, чтобы вызвать порывъ этотъ на дѣло и обратить его на безотлагательное примѣненіе. Съ толпы народной сходится на арестантскую партію не роскошная дача, тутъ рубль копейки не подшибаетъ. Но, тѣмъ не менѣе, пожертвованія идутъ справа и слѣва въ Москвѣ: на бѣдныхъ Бутыркахъ, въ богатомъ купеческомъ Замоскворѣчьи, на торговой Таганкѣ и въ извозничьей Рогожской. Чѣмъ больше народу на улицахъ, тѣмъ больше благопріятствуютъ погода и время года скопленію народа на площадяхъ и рынкахъ, тѣмъ и подаванія обильнѣе и ощутительнѣе для арестантской артели. Но разобратъ трудно, кто подаетъ больше: случайно ли попавшіяся на улицѣ прохожіе купцы, или прикованный къ улицѣ, ради торговли и промысла, постоянный обитатель ея, изъ торговцевъ и барышниковъ, извозчикъ, лавочникъ и проч. Едва ли въ этомъ отношеніи не всѣ благодѣатели равноправны и равносильны, едва ли существуетъ тутъ какая нибудь примѣтная разниаца.

Разницы этой должно искать въ другомъ разрядѣ благодѣателей, и именно тѣхъ, которые кончили уже свое дѣло на улицѣ, которымъ улица посчастливила барышомъ и капиталомъ. Благодѣатели эти засыли теперь въ большіе дома и ведутъ оттуда большія дѣла. Они тоже не лишены сочувствія къ арестантамъ, но за дѣломъ и недосугомъ ждуть сильныхъ возбужденій. Жизнь людей этихъ, принужденныхъ искать системы и порядка, проходить размѣреннымъ шагомъ, разбитая на дни и недѣли, гдѣ каждому „днѣви довѣдетъ злоба его“. Есть въ средѣ дней этихъ и такіе, которые по старому обычаю, по отцовскому завѣту, по житейскимъ случайностямъ, но опять-таки по предварительному и предназначенному назначенію, посвящены дѣламъ благодѣанія. Источникъ послѣднѣго лежитъ въ томъ же чувствѣ и сердечномъ убѣжденіи, которое въ давнія времена застроило все широкое раздолье русской земли монастырями и церквами и снабдило тѣ и другія громкими звонами, драгоценными вкладами, богатыми дачами. Родительскія суботы и радунницы, страстная недѣля, многіе господскіе и богородичные праздники издавна обусловлены обязательною хлѣбною жертвою и денежнымъ подаяніемъ въ пользу страждущихъ, гоимыхъ и заключенныхъ Христа-ради. Обычай этотъ, равно присущій и одинаково исповѣдуемый всѣмъ русскимъ купечествомъ ближнихъ и дальнихъ, большихъ и малыхъ городовъ, особенно святъ и любезенъ тому большинству его, кото-

рое, вмѣстѣ со старымъ обычаемъ, придерживается и старой вѣры. Если, съ одной стороны, сочувствіе къ несчастнымъ сильнѣе въ угнетенномъ, и вѣра въ ученіе, по смыслу котораго „рука дающаго не оскудѣваетъ“, цѣлостнѣе и опредѣленнѣе въ старообрядцахъ, то съ другой стороны—зажиточная жизнь и матеріальное довольство, сосредоточенныя въ раскольничьихъ общинахъ и семействахъ, достаточно объясняютъ намъ большія жертвованія въ тѣхъ городахъ и на тѣхъ улицахъ города Москвы, которыя, по преимуществу, обстроены домами купцовъ-старообрядовъ. „Однѣмъ нагихъ,—говорятъ они въ своей пословицѣ:—обуемъ босыхъ, накроемъ алчныхъ, напоимъ жадныхъ, проводимъ мертвыхъ: заслужимъ небесное царствіе“; „денежка-молитва, что острая бритва: всѣ грѣхи сбѣретъ“, „а потому одной рукой собирай, а другой раздавай“, ибо „кто сырыхъ питаетъ, того Богъ знаетъ“, а „голаго разыскать, Богъ и въ окошко подаетъ“. Эти правила-пословицы дошли до насъ отъ давнихъ временъ нашей исторіи, когда народъ нашъ понятіе о ссыльныхъ и тюремныхъ сидѣльцахъ безразлично смѣшалъ съ понятіемъ о людяхъ несчастныхъ, достойныхъ состраданія. Въ одномъ изъ старинныхъ документовъ, характернѣе другихъ рисующемъ положеніе ссыльныхъ (относящемся къ концу XVII вѣка) мы находимъ очевидное свидѣтельство тому, что нашъ народъ издавна обнаруживалъ готовность посильнымъ приношеніемъ и помощью уладить тяжелые дни жизни всякаго ссыльнаго.

Протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ и сильныхъ противниковъ Никона, находилъ и въ Сибири помощь, и отъ воеводской семьи, жены и сноихъ („пришлютъ кусокъ мяса, иногда колбаску, иногда мучьки и овсеца“), и отъ воеводскаго приказчика („мучьки гривенокъ съ 30 дадь, да коровку да овечекъ съ 5—6, мясо“). На Байкалѣ знакомые встрѣтили русскіе люди надѣлили пишею, сколько было надобно, „осерговъ съ 40 сѣвжихъ привезли, говоря: вотъ, батюшко, на твою часть Богъ, въ запорѣ, намъ дадь, возьми себѣ всю“. Починили ему лодку, зашили парусъ и на дорогу снабдили всякимъ запасомъ. Въ Москвѣ благодѣль самъ царь съ цариею и боярами („пожаловалъ царь 10 рублей денегъ, царица 10 рублей денегъ, Лука духовникъ 10 рублей же, Родионъ Стрѣшневъ 10 рублей же, а Федоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублей казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть“).

Это участіе и эта помощь ссыльнымъ—совершенно неизвѣстныя въ Западной Европѣ—у насъ чувства исконныя и родовыя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чувство благодѣанія выросло и укрѣпилось въ народѣ именно въ то время, когда для ссылки назначали такую страшную даль, какова Сибирь, а для ссыль-